

рублей, его заботы о картинахъ, которыя создаетъ какой-нибудь „пишущій пейзажи живописецъ“, — а на другой сторонѣ жизни, по ту сторону изящества, довольства, пейзажей и англійскихъ ботинокъ, — Митрій Судариковъ, просыпающійся въ кривой, дымной, черной избѣ, умывающійся водою прямо изо рта, пальцами раздрающій и приглаживающій волосы на головѣ, — и рядомъ съ нимъ всѣ ему же подобныя, всѣ работающіе, такъ работающіе, что хотя „пѣтухи уже раза три перекликнулись, имъ не то что не вѣрили, но не слышали ихъ за работой и переговорами о работѣ“. Слишкомъ ясно, что этимъ противоположеніемъ хочетъ Толстой сказать; но такъ жизненны фигуры, такъ художественны непосредственныя характеристики, такъ довлѣетъ себѣ сама живопись, что вотъ за талантомъ и не замѣчаешь тенденціи, и думаешь не столько о томъ, что хотѣлъ сказать великій авторъ, а о томъ, что онъ сказалъ и какъ сказалъ. Непобѣдимъ Толстой, — даже для самого себя, для своей учительствующей склонности. Перо въ его рукѣ слушается не его намѣреній, а его непреднамѣреннаго дарованія, — благословенное перо!.. Пусть ему заказано написать „Дѣтскую мудрость“, рядъ поучительныхъ діалоговъ на публицистическія темы: оно будетъ дѣлать это нехотя и, если не во всѣхъ, то во многихъ строкахъ, уклонится отъ заданія и, движимое стихійной и безсознательной силой таланта, просто набросаетъ говорящія сами за себя очерки, какъ бы